

Рецензии

Спорная преемственность

Mariano Barbato, "Wetterwechsel. Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Scholz". 2022, Campus Verlag, Frankfurt am Main ["Меняющиеся времена. Внешняя политика Германии от Бисмарка до Шольца"]

Мариано Барбато – доцент Университета Пассау (Мюнхен), область его исследований – международные отношения и европейская интеграция.

Он детально изучил дебаты в немецкоязычных изданиях о международной роли и перспективах Германии в свете новой стратегической фазы. В тексте проводится анализ внешней политики различных канцлеров, последовательно сменявших друг друга, от Бисмарка до Шольца, и подчёркивается значительная степень преемственности, связанная с центральной позицией фигуры канцлера: внутренней ролью главы администрации федерального государства и ролью представителя государства за рубежом.

Преемственность канцлерства в Германии

Ревизионистский замысел Барбато подталкивает его подчёркивать общие черты немецкой истории, начиная с XIX века. В частности, Барбато приходит к выводу о том, что нацистское государство было преемником Германской империи и Веймарской республики в своих претензиях на роль мировой империи или, по крайней мере, великой европейской державы. Нацистское государство поначалу придерживалось традиции внешнеполитического ревизионизма Веймарской республики. Наибольших успехов режим достиг в преодолении Версальского порядка, что было подготовлено Густавом Штрэземаном (канцлер с августа по ноябрь 1923 года и министр иностранных дел с 1923 по 1929 год) и Генрихом Брюнингом (канцлер с марта 1930 по май 1932 года и министр иностранных дел с октября 1931 по май 1932 года) во времена Веймарской республики, а также в возрождении Германии как великой европейской державы после мирового экономического кризиса, преодоленного с трудом. Барбато считает, что, начиная с Бисмарка, внешняя политика Германии может быть понята как ряд неизменно тщетных попыток договориться правовом равенстве и роли младшего партнёра сначала с Великобританией, а затем с США. Напомним, что в 1980-х годах немецкий академический мир был расколот ожесточённым *Historikerstreit*, "спором историков", который в конечном итоге касался дилеммы роли нацизма в линии преемственности немецкой истории. Складывается впечатление, что Барбато этот вопрос не слишком заботит.

В конце второй мировой империалистической войны, – напоминает Барбато, – в 1947 году, Контрольный совет союзников исходил из предположения, что Германская империя, основанная Бисмарком "железом и кровью", была частью проблемы, которую нужно решить и устранить. На повестке дня в Потсдаме демилитаризация и децентрализация стояли в одном ряду с денацификацией и демократизацией. Именно в Потсдаме Конрад Аденауэр увидел воплощение в жизнь бисмарковского "кошмара коалиции" (*Cauchemar de coalition*). Антигитлеровский альянс захватил власть в Германии и разделил империю, которая потеряла около трети своей территории. Около 14 миллионов человек бежали или были депортированы. В 1950 году восемь миллионов жили на Западе, четыре – в ГДР.

Гельмут Коль стал канцлером в благоприятный момент немецкой истории. И он смог воспользоваться "кайросом" (подходящим моментом). Продолжая успехи Гельмута Шмидта, Коль, в отличие от Бернхарда фон Бюлова, фактически добился "места под солнцем" в Европе. После воссоединения Германия стала, в том числе и для Востока, державой статус-кво. Конец разделения Германии и отказ от восточных территорий положили конец немецкому ревизионизму.

Германия обретает политическую ответственность

В золотую четверть века глобализации, с 1989 по 2014 год, Берлин верил, что может играть роль великой экономической державы по отношению к Москве и Пекину, возможно, даже в ущерб США.

Предупреждающие сигналы президентства Трампа и Брексита, такие как альянс AUKUS между Австралией, Великобританией и США против Китая, оказали давление на немецкое внешнеполитическое сознание.

По мнению Барбато, статус полугегемона, которого добился Бисмарк, не сможет превзойти и республиканский Берлин. Китай в мировой политике уже не удастся укротить, более того, его необходимо признать мировой державой. В ноябре 2021 года Кристофер Кларк, вручая Ангеле Меркель премию Вальтера Ратенау, высоко оценил её внешнюю политику: он назвал экс-канцлера не “лунатиком”, в отличие от её предшественника начала XX века Бетман-Гольвега, а “великим замедлителем”. Вероятно, Меркель, комментирует Барбато, верила только в возможность замедлить упадок Германии и Запада.

Таким образом, по мнению автора, существует перспектива того, что примирившаяся Европа разрядит внутреннюю напряжённость вовне, расширив сферу своего влияния за пределы ЕС. Следует подчеркнуть, что такое миролюбивое понимание европейской политики не учитывает реальный риск того, что напряжённость и конфликты всё ещё могут затрагивать европейские страны, о чём свидетельствует вооружённый конфликт на Украине.

Если в XXI веке центр тяжести мировой политики расширится от ядра Старого континента до Индо-Тихоокеанского региона, Европа с Германией могут надолго затихнуть. Вместо того чтобы наблюдать, как тектонические трения достигают немецкого центра, Германия могла бы управлять обеспечением спокойствия в Европе, полагает Барбато. Речь уже не будет идти о навязывании воли всему миру, начиная с континента, под предводительством Германии или против неё, теперь это будет вопрос принесения спокойствия в Европу. Речь будет идти об активном обеспечении порядка, достигаемом путём неустанного поиска консенсуса не только среди традиционно европейских стран, но и среди тех, что поддерживают всё более тесные отношения с Европой как составной частью своей идентичности или рассматривают её как жизненно важный элемент своей безопасности.

Сдвиг на Восток: изменение “ядра Европы”?

Барбато считает, что Германии и Франции, похоже, не хватает сил для объединения ЕС в области внешней политики. Ведущая роль, которую Польша взяла на себя после российской спецоперации на Украине, и предложение Киеву присоединиться к Евросоюзу свидетельствуют о новом раскладе сил. Центр Европы смещается на восток.

Новая держава в Центральной Европе позволила бы Германии противостоять общеевропейским бурям и уменьшить бремя собственных обязательств. Укрепившаяся уверенность в том, что континент является “Великой Швейцарией” на периферии Запада, была бы дополнена самостоятельной и сильной Центральной Европой, со столицами в Киеве, Вильнюсе, Варшаве, а также Братиславе, Бухаресте и Праге.

Барбато считает, что новая Большая Центральная Европа будет обладать потенциалом для самостоятельных действий. Это открыло бы для Германии возможность выйти из шаткого полугегемонистского положения и обрести сильного партнера на Востоке.

Можно возразить, что такая оценка не учитывает приоритет франко-германской оси как движущей силы ЕС и не принимает во внимание преобладающую атлантистскую ориентацию восточноевропейских стран, которая сместит геополитический баланс в Европе. Она также будет способствовать возникновению разлома, в который США смогут вклиниться, делая ставку на стратегию “разделяй и властвуй” в отношении стран-членов ЕС. Напряжённость новой стратегической фазы заставляет Германию пересмотреть свою роль, даже если это противоречит политической традиции, накладывающей рамки на её действия, – на этапе, когда время ускоряется и необходимо формировать инструменты внешней политики и безопасности, необходимые для глобального противостояния.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

«Оказавшись на “подветренной” [защищённой] стороне глобализации, немецкая внешняя политика надеялась избежать парадигмы реализма во внешней политике с её дискуссиями о государстве, власти, интересах, и получить возможность полностью сосредоточиться на альтернативном либеральном лозунге “экономика, экономика, экономика...”. Поскольку внешняя политика Германии приводила к насилию и неудачам, конъюнктура глобального

управления была особенно привлекательной. Процессы глобализации позволяли подвергать политические дискурсы радикальной критике. Глобальная внутренняя политика казалась возможной». (стр. 9)

«Даже принимая во внимание фундаментальные изменения при переходе от империи к Веймарской республике, к национал-социалистическому государству, к Боннской федеративной республике, к объединённой Германии, всё равно остаётся институт, имеющий свои глубокие корни в старой империи: канцлер и канцлерство». (стр. 41)

«Уже в декабре 1914 года Штреземан претендовал на некоторые территории, которые, по его мнению, в действительности принадлежали Германии. К ним относилось побережье от Дувра до Санкт-Петербурга, острова Кронштадт. Российское побережье Балтийского моря должно было отойти к Германии, как и французское побережье [Ла-Манша], а Кале должно было стать «немецким Гибралтаром»». (стр. 99–100)

«Экономическое чудо Федеративной Республики Германия опиралось не только на послевоенный бум восстановления и плана Маршалла, но и на интеграцию дойчмарки и бурно развивающейся немецкой экспортной промышленности в Бреттон-Вудскую систему. Ратифицировав присоединение к Бреттон-Вудской системе в 1952 году и приняв долговое регулирование в 1953 году, Аденауэр ещё до определения архитектуры безопасности глубоко привязал молодую федеративную республику к капиталистическому Западу во главе с США в сфере экономической политики. Таким образом, то, над чем так упорно трудились Штреземанн и Брюнинг, было своевременно налажено: Германия, тесно связанная с США». (стр. 162)

«Внешняя политика «системы Коля» по окончании холодной войны в 1990 году, в третьей послевоенной системе после 1919 и 1945 годов, впервые в истории Германии обеспечила место под солнцем для немецкого национального государства». (стр. 202)

«Что касается гарантии западных границ Польши, то её также пригласили на сессию переговоров группы 2+4. Гарантировав западную границу Польши, Германия закрыла главу, которая отягощала соседские отношения не только со времён Второй мировой войны, но, по крайней мере, с Первой мировой, если не с момента основания империи. Обеспечение границы по Одере-Нейсе стало предпосылкой для формирования Германией центральноевропейской политики, не отягощённой притязаниями на территорию и доминирование». (стр. 213)

«Меркель, как и канцлер Бюлов, пыталась проводить в Китае политику «свободной руки». В отличие от предшественника, она не претендовала на превосходство. Её политика «свободной руки» была политикой «тихой руки» и проявлялась в форме постепенного движения. [...] Таким образом, она закрепила направление на тесное партнёрство с Китаем. [...] Очарование поразительным восхождением новой державы, которую она посещала чаще, чем любую другую страну, того стоило». (стр. 243–244)

Декабрь 2023 г.